

— Ну, хочется, — покраснѣлъ слегка Байко.

— А идти боитесь!

— Ну вотъ вздоръ! просто случая до сихъ поръ не было познакомиться.

— Идемте — познакомлю: мы люди простые.

Байко снова покраснѣлъ.

— Сегодня мнѣ, знаете ли, некогда... Въ другое время какъ-нибудь.

— Ну вотъ то-то и есть! — засмѣялся мировой и пошелъ дальше.

Байко постоялъ съ минуту въ нерѣшимости. Онъ боялся идти къ Дыхляеву, но и мальчишкой ему быть не хотѣлось. Ничѣмъ нельзя было оскорбить его такъ сильно, какъ принявъ за мальчишку, потому что ему было 23 года и на подбородкѣ у него не было ни одного волоска. Не было у него и усовъ, а тоненькая стройная фигура, нѣжный сопрано, которымъ онъ говорилъ, способность краснѣть почти при каждомъ словѣ дѣлали его похожимъ даже не на мальчика, а прямо на молоденькую дѣвушку.

— Послушайте-ка! — крикнулъ онъ вслѣдъ мировому.

Торжествующая улыбка мелькнула на толстыхъ губахъ мирового. «Ага! влюнулъ-таки!» подумалъ онъ.

— Покажите мнѣ, на всякій случай, квартиру Дыхляева.

— Извольте, батенька, извольте! квартира у него незавидная, да «не красна изба углами»...

Лига была почти вся въ сборѣ, когда мировой торжественно ввелъ Байко.

— Мертвъ бѣ — и ожилъ, пропадалъ — и нашелся, — говорилъ онъ, рекомендуя гостя.

Байко, красный, какъ маковъ цвѣтъ, пожималъ руки.

— Вы вотъ что, — обратился къ нему Корневъ: — если не хотите спиться, не ходите къ намъ.

— Почему? — спросилъ Байко обидчиво.

— Сами спились и другихъ спаиваемъ, — пояснилъ Корневъ грустно.

— Не беспокойтесь — я не мальчикъ, я знаю, что дѣлаю, — возразилъ Байко гордо.

— То-то, смотрите! мое дѣло предупредить васъ, а тамъ какъ знаете.

Лишь на другой день попалъ Байко къ предводителю. Предводитель крикнулъ, закусилъ усы, но ничего не сказалъ. Да и